

Глава II. О СТОИМОСТИ

- § I. Противостояние полезной стоимости и стоимости обмена
- § II. Формирование стоимости: определение богатства
- § III. Применение закона пропорциональности стоимостей

§ I. Противостояние полезной стоимости и стоимости обмена

СТОИМОСТЬ — краеугольный камень экономической постройки.

Божественный создатель, который ввел нас в продолжение своего труда, ни с кем не объяснился: но по некоторым признакам можно делать предположения. На самом деле стоимость имеет две стороны: одну, которую экономисты называют *потребительской* стоимостью, или стоимостью самой по себе; другую, стоимостью *обмена*, или стоимостью мнения. Эффекты, производимые стоимостью в этом двойном аспекте, очень расплывчаты, поскольку у нее нет точки опоры, или, выражаясь более философски, поскольку стоимость не установлена официально, они полностью изменяемы таким положением.

Теперь, в чем состоит соотношение полезной стоимости со стоимостью обменной; что понимается под установленной стоимостью, и какой перипетией управляется это установление: это объект и цель политической экономии. Я прошу читателя сосредоточиться на следующем: эта глава является единственной в этой книге, которая требует от него немного доброй воли. Со своей стороны, я постараюсь быть все более простым и понятным.

Все, что может быть полезным для меня, имеет для меня стоимость, и я тем более богаче, чем больше пользы в потребляемой вещи: в этом сложность. Молоко и мясо, фрукты и семена, шерсть, сахар, хлопок, вино, металлы, мрамор, земля, наконец, вода, воздух, огонь и солнце, обладают в отношении меня стоимостью использования, стоимостью по природе и предназначению. Если бы все вещи, которые служат моему существованию, были настолько же щедрыми, как некоторые из них, как, например, свет; другими словами, если бы количество каждого вида стоимостей было неисчерпаемым, мое благополучие было бы гарантировано навсегда: мне бы не пришлось работать, я бы даже не думал об этом. В этом состоянии вещи всегда будут содержать *пользу*, но было бы неверно говорить, что они *стоят*; поскольку стоимость, как мы это вскоре увидим, означает отношение по существу социальное (общественное); и только благодаря обмену, возвращению общества к природе мы обрели понятие пользы. Все развитие цивилизации происходит, следовательно, из-за того, что человеческий вид постоянно провоцирует создание новых стоимостей, так же как первопричина общественного зла состоит в вечной борьбе, которую мы ведем против нашего собственного бездействия (инерции). Лишите человека этой потребности, которая требует от него мыслить и подталкивает его к созерцательной жизни, и мастер творения

превратится лишь в первого из четвероногих.

Но как полезная стоимость становится стоимостью обмена? Потому что следует отметить, что эти два вида стоимостей, хотя и являются актуальными в теории (поскольку первая не осознается без второй), тем не менее поддерживают отношения преемственности: обменная стоимость является своего рода отражением полезной стоимости, поскольку богословы учат, что в троице отец, созерцая себя в вечности, порождает сына. Эта генерация идеи стоимости не была изучена экономистами с достаточным тщанием: поэтому нам важно на этом остановиться.

К тому же поскольку среди предметов, которые мне необходимы, очень большое количество встречается в природе только в ограниченном количестве, или даже вообще не встречается, я вынужден способствовать производству того, чего мне не хватает; и так как я не могу достать так много вещей, я предлагаю другим, моим коллегам в различных функциях, выделить часть их продуктов в обмен на мои. Поэтому я получу от своего конкретного продукта всегда больше, чем потребляю; так же, как равные мне будут получать от своих продуктов больше, чем используют. Это молчаливое соглашение достигается посредством *торговли*. В этом случае мы увидим, что логическая последовательность двух видов стоимости в истории выглядит намного лучше, чем в теории, и люди провели тысячи лет в оспаривании природных богатств (в том, что называется примитивным сообществом), прежде чем их промышленность привела к обмену.

Далее, способность, которой обладают все продукты природного или промышленного происхождения, используемые для обеспечения жизнедеятельности человека, называется полезной стоимостью; способность, которую они в состоянии передать от одного другому, — стоимостью обмена. По сути, это одно и то же, поскольку второй случай только добавляет к первому идею замещения, и все это может показаться бесполезным: на практике последствия оказываются неожиданными и поочередно успешными или губительными.

Таким образом, отличие, установленное в стоимости, подтверждается фактами и не является произвольным: это человек, подчиняясь этому закону, должен заставить его повернуться к выгоде своего благополучия и своей свободы. Труд, согласно красивому выражению одного автора, М. Вальраса, — это война, объявленная скупости природы; благодаря труду создаются одновременно богатство и общество. Не только труд производит несравненно больше благ (товаров), чем дает нам природа; — исходя из этого мы заметили, что одни только сапожники во Франции произвели в десять раз больше, чем объединенные шахты Перу, Бразилии и Мексики; — но работа, благодаря преобразованиям, которые она заставляет претерпевать природные ценности, расширяя и бесконечно приумножая свои права, мало-помалу случается так, что все богатство, проходя через промышленную матрицу, полностью возвращается к тому, кто его создает, и для владельца сырья ничего или почти ничего не остается.

Таков, следовательно, ход экономического развития: вначале присвоение земли и природных ценностей; затем объединение и распределение посредством работы до полного равенства. Разорения посеяны на нашем пути, меч нависает над нашими головами; но у нас есть возможность отвести все опасности; и эта возможность — всемогущество [142].

Из соотношения полезной стоимости к обменной стоимости следует, что, если случайно или по злему умыслу обмен был запрещен одному из производителей, или если полезность его продукции внезапно прекратилась, то даже при заполненных складах он ничего не обретет. Чем больше жертв он принес и доблести проявил, тем глубже будет его нищета. — Если бы полезность продукции, вместо того, чтобы вообще исчезнуть, была только уменьшена, это то, что может произойти сотнями способов: работник вместо того, чтобы быть пораженным упадком и разоренным внезапной катастрофой, был бы только обеднен; будучи вынужденным поставить большое количество своих ценностей за небольшое количество иностранных ценностей, его прожиточный минимум будет сокращен в пропорции, равной дефициту его продаж, что приведет его к переходу от достатка к обеднению. Если, наконец, полезность продукта вырастет или производство станет менее дорогостоящим, торговый баланс обернется к выгоде производителя, чье благосостояние, таким образом, может возрасти от трудоемкой ограниченности до праздного изобилия. Это явление обесценивания и обогащения проявляется в тысяче форм и в тысяче комбинаций: именно в этом состоит страстная и интригующая игра торговли и промышленности; это та полная подвохов лотерея, которая, по мнению экономистов, должна длиться вечно, и отмены которой, не осознавая этого, требует Академия гуманитарных и политических наук, поскольку под именами прибыли и заработной платы она требует соединения полезной стоимости и обменной стоимости взамен, то есть чтобы был найден способ сделать все потребительские стоимости равными обменным стоимостями, *vice versa* (наоборот), все обменные стоимости полезные равными потребительским.

Экономисты очень хорошо выделили двойной характер стоимости: но то, что им не удалось выделить так же четко, — ее противоречивую природу. Здесь начинается наша критика.

Польза — необходимое условие обмена; но отнимите обмен, и польза станет нулевой: эти два термина неразрывно связаны между собой. Где же тогда возникает противоречие?

Так как все, пока мы есть мы, существует только через труд и обмен, и мы тем более богаты, чем более мы производим и торгуем, то для каждого следует необходимость производить как можно больше потребительской ценности, чтобы еще больше увеличить свой обмен, и, следовательно, свое потребление. Ну а первый эффект, неизбежный эффект умножения стоимостей — их ПОНИЖЕНИЕ: чем больше товара, тем больше он теряет на бирже и обесценивается коммерчески. Не правда ли, существует противоречие между необходимостью труда и его результатами?

Я заклинаю читателя, прежде чем бежать впереди объяснения, остановить его внимание на факте.

Крестьянин, собравший двадцать мешков пшеницы, которую он намеревается съесть вместе со своей семьей, считает себя вдвое богаче, чем если бы он собрал только десять (мешков); — точно так же домохозяйка, которая наткала пятьдесят ярдов холста, считает себя в два раза богаче, чем если бы она наткала только двадцать пять. Относительно домашнего хозяйства они оба правы; но с точки зрения своих внешних сношений они могут ошибаться во всем. Если урожай пшеницы будет удвоен по всей стране, то двадцать мешков можно будет продать с меньшей стоимостью, чем десять, если урожай будет в половину меньше;

как и в подобном случае пятьдесят ярдов холста будут стоить меньше, чем двадцать пять. Так что стоимость уменьшается по мере увеличения производства, а производитель может прийти к бедности, постоянно обогащаясь. И кажется, что это не излечимо, так как единственным средством спасения стало бы положение, при котором промышленных товаров было бы столько же, сколько воздуха и света, — бесконечное количество, что абсурдно. Бог мой! — сказал бы Жан-Жак: это не экономисты неразумны; это сама политическая экономия неверна своим определениям: *Mentita est iniquitass ibi* (контрафакт — это грех). В приведенных выше примерах полезная стоимость превышает стоимость обмена: в других случаях она меньше. То же самое происходит, но в обратном смысле: остаток выгоднее для производителя, а потребитель теряет. Это происходит, в частности, в случае неурожая, где рост потребления всегда будет фиктивным. Есть также профессии, все искусство которых состоит в том, чтобы придавать пользе посредственность, и в отношении которых действует преувеличенное мнение: таковы, как правило, предметы роскоши. Человек, по своей эстетической страсти, бессмысленно жаден, обладание этими предметами удовлетворяет его тщеславие, врожденному вкусу к роскоши и более благородной и респектабельной любви к прекрасному: именно на это и рассчитывают поставщики таких предметов. Навязывание прихотей и нарядностей не менее отвратительно и не менее абсурдно, чем введение пошлин на движение: но этот налог взимают некоторые популярные предприниматели, которых защищает общее увлечение, и чья заслуга часто состоит в искажении вкуса и порождении непостоянства. Никто не жалуется; и все проклятия общественного мнения сохраняются для монополистов, которые силой гения умудряются поднять на несколько копеек цену холста и хлеба...

Недостаточно просто отметить этот удивительный контраст между полезной стоимостью и стоимостью обмена, в котором экономисты не привыкли видеть ничего, кроме самого простого: надо показать, что эта так называемая простота скрывает глубокую тайну, проникнуть в которую — наш долг.

Поэтому я призываю любого серьезного экономиста объяснить мне, иначе, нежели повторяя и переводя вопрос, по какой причине стоимость уменьшается с ростом производства; и взаимнообразно, что заставляет ту же самую стоимость расти одновременно с уменьшением производства. С технической точки зрения, полезная стоимость и обменная стоимость, необходимые друг другу, обратно пропорциональны друг другу: поэтому я спрашиваю, почему дефицит, а не польза, является синонимом дороговизны. Ибо, отметим как следует, взлет и падение стоимостей товаров не зависят от количества труда, затраченного на их производство; и большим или меньшим объемом издержек, которые были потрачены на их производство, невозможно объяснить изменения продаж. Стоимость капризна, как свобода: она не учитывает ни полезности, ни труда (вложенного); отнюдь не похоже, что при обычном ходе вещей, кроме определенных исключительных пертурбаций, наиболее полезными объектами всегда являются те, которые должны быть поставлены по более низкой цене; другими словами, те, кто работают с наибольшим удовольствием, получают лучшее вознаграждение, а те, кто в ходе работы проливают кровь и воду, — худшее. Так же, следуя этому правилу до получения окончательных результатов, мы пришли бы к тому самому логичному выводу в мире, что вещи, использование которых необходимо, и количество которых безгранично, бессмысленны; а те, польза которых равна нулю, и количество чрезвычайно ограничено, бесценны. Но, что еще хуже, практика не допускает

таких крайностей: с одной стороны, ни один продукт, произведенный человеком, не может достичь бесконечной величины; с другой стороны, самые редкие вещи должны быть в некоторой степени полезны, иначе они не будут иметь никакой стоимости. Таким образом, полезная стоимость и обменная стоимость неизбежно остаются связанными друг с другом, хотя по своей природе они стремятся постоянно исключать друг друга.

Я не буду утомлять читателя словопрениями, которые можно использовать для прояснения этого вопроса: не существует, что касается противоречия, присущего понятию стоимости, ни причины, ни возможного объяснения. Факт, о котором я говорю, является одним из тех, которые мы называем примитивными, то есть теми, которые могут служить для объяснения других фактов, но которые сами по себе, как тела, называемые простыми, неразрешимы. Таков дуализм разума и материи. Разум и материя — это два термина, каждый из которых по отдельности указывает на особый взгляд разума, но не реагирует на какую-либо реальность. Точно так же, учитывая потребность человека в разнообразных продуктах с обязательством производить их своим трудом, неизбежно возникает противопоставление полезной стоимости обменной стоимости; и из этой оппозиции — противоречие на пороге той же политической экономии. Никакой разум, никакая божественная и человеческая воля не могут этому помешать.

Таким образом, вместо того, чтобы искать химерическое объяснение, давайте сочтем за благо констатировать необходимость противоречия.

Независимо от обилия созданных стоимостей и пропорций, в которых они обмениваются, для того, чтобы мы обменивались нашими продуктами, необходимо, если вы *заказчик*, чтобы мой продукт вам подходил, а если вы представляете *предложение*, я одобряю ваш продукт. Потому что никто не имеет права навязывать свои товары другим: единственным судьей полезности или, что то же самое, необходимости, является покупатель. Итак, в первом случае вы являетесь арбитром соответствия; во втором — я. Уберите взаимную свободу, и обмен перестанет служить проявлением промышленной солидарности: это будет грабежом. Коммунизм, кстати, никогда не преодолет эту трудность.

Но при условии свободы производство обязательно остается неопределенным — что в количественном, что в качественном отношении; как и то, что с точки зрения экономического прогресса, а также соответствия ожиданиям потребителей, оценка всегда остается произвольной, и цена товара всегда будет плавающей. Предположим на мгновение, что все производители торгуют по фиксированной цене: найдутся те, кто, производя дешевле или производя лучше, много выиграет, а остальные ничего не получат. В любом случае баланс нарушен. — Хотим ли мы, — чтобы противостоять стагнации торговли, — ограничить производство? Это насилие над свободой: потому что, лишив меня права выбора, вы заставляете меня платить максимум; вы уничтожаете конкуренцию, единственную гарантию дешевизны и провоцируете контрабанду. Таким образом, чтобы предотвратить коммерческий произвол, вы попадете в административный произвол; чтобы создать равенство, вы уничтожите свободу: это отрицание самого равенства. — Соберете ли вы производителей в одном цеху, — полагаю, вам известен этот секрет? — этого еще недостаточно: вам также придется собрать потребителей в общем домохозяйстве: но тогда вы оставите вопрос. Речь идет не об отмене идеи стоимости, что столь же невозможно, как

отмена работы, но о ее определении; речь идет не об уничтожении индивидуальной свободы, но о ее социализации. Теперь доказано, что именно свободная воля человека порождает противостояние между полезной стоимостью и обменной стоимостью: как устранить это противостояние, пока остается свободная воля? И как пожертвовать этим, не жертвуя человеком?...

Таким образом, только благодаря этому, будучи свободным покупателем, я оцениваю свою потребность, сужу о пригодности объекта, сужу о цене, которую я хочу заплатить; и, с другой стороны, благодаря этому вы, будучи свободным производителем, владеете средствами производства, и, следовательно, у вас есть возможность сокращать свои расходы, стоимость становится произвольной и колеблется между полезностью и мнением.

Но это колебание, прекрасно обозначаемое экономистами, является не чем иным, как следствием противоречия, которое, будучи выраженным в широком масштабе, порождает самые неожиданные явления. Три года плодородия в некоторых губерниях России являются общественным бедствием; так же, как на наших виноградниках три года изобилия являются бедствием для винодела. Я хорошо знаю, что экономисты связывают это с отсутствием точек продаж; но это еще большой вопрос — в точках ли продаж проблема. К сожалению, то же самое относится и к теории точек продаж, и к теории эмиграции, которые противопоставлялись Мальтусу; это объявление принципа. Страны с лучшим обеспечением точками продаж подвержены перепроизводству так же, как и страны с худшим обеспечением, более изолированные страны: где падение и рост известны более, чем на биржах Парижа и Лондона?

Из колебания стоимости и вызванных ею нерегулярных последствий социалисты и экономисты, каждые со своей стороны, пришли к противоположным, но в равной степени ошибочным результатам: первые предприняли попытку оклеветать политическую экономию и исключить ее из общественных наук; другие — чтобы отвергнуть любую возможность примирения между терминами и утвердить в качестве абсолютного закона торговли несоизмеримость стоимостей, привносящую неравенство состояний.

Я говорю, что обе стороны одинаково ошибаются.

1.

Идея противоречия стоимости, столь хорошо подчеркнутая неизбежным различием потребительской стоимости и обменной стоимости, происходит не из ложного восприятия ума, не из порочности терминологии, не из каких-либо отклонений от практики: она тесно связана с природой вещей и основана как категория на разуме как главной форме мышления. Теперь, из того, что понятие стоимости является отправной точкой политической экономики, следует, что все элементы науки, — я использую слово «наука» опережающим образом, — противоречивы сами по себе и противоположны друг другу, так что по каждому вопросу экономист оказывается между одинаково неопровержимыми утверждением и отрицанием. В конце концов, АНТИНОМИЯ, если использовать это в рамках современной философии, является фундаментальным символом политической экономики, то есть одновременно и смертным приговором, и оправданием.

Антиномия, буквально анти-закон, означает оппозицию в принципе или антагонизм в учете, как противоречие или нелогичность указывают на оппозицию или противоречие дискурса. Антиномия, прошу прощения за углубление в детали схоластики, хотя и все еще не известные большинству экономистов, антиномия — это концепция двустороннего закона, одна из сторон которого положительная, другая — отрицательная: таков, например, закон, называемый *притяжением*, который заставляет планеты вращаться вокруг Солнца и который геометры разложили на центростремительную силу и центробежную силу. Такова же проблема делимости материи на бесконечности, которая, как показал Кант [143], может быть отвергнута и подтверждена поочередно одинаково правдоподобными и неопровержимыми аргументами.

Антиномия лишь отражает факт и настоятельно навязывает разуму: собственное противоречие — абсурд. Это различие между антиномией (*contra-lex*) и противоречием (*contra-dictio*) показывает, в каком смысле можно сказать, что в определенном порядке идей и фактов аргумент противоречия имеет лишь математическое значение.

В математике существует правило, согласно которому если утверждение оказывается ложным, то противоположное утверждение истинно, и наоборот. Это великий прием математической демонстрации. В социальной экономике это правило не работает: так, мы увидим, например, что существование собственности отрицает общественное владение, и, следовательно, общность, в обратном порядке, теряет истинность, но она отрицаема в то же время и в том же качестве, что и собственность. Следует ли из этого, как было заявлено с нелепым пафосом, что вся истина, вся идея проистекают из противоречия, то есть из чего-то, что утверждает себя и отрицает себя одновременно и с одной и той же точки зрения, и что следует забросить как можно дальше старую логику, которая делает противоречие признаком ошибки? Эта болтовня достойна софистов, которые без веры и совести пытаются увековечить скептицизм, чтобы сохранить свою нахальную бесполезность. Как антиномия, при том, что ее неправильно поняли, безошибочно приводит к противоречию, мы принимаем их друг за друга, особенно на французском языке, на котором принято судить обо всем по последствиям. Но ни противоречие, ни антиномия, которую анализ обнаруживает в основе любой простой идеи, не являются принципом истины. Противоречие всегда является синонимом ничтожности (отсутствия); что касается антиномии, которую иногда называют тем же именем, то она на самом деле является предвестником истины, которую она наполняет, образно говоря, материей; но она не является истиной, и, рассматриваемая сама в себе, она является действенной причиной беспорядка, в чистом виде ложью и вредом.

Антиномия состоит из двух терминов, необходимых друг другу, но всегда противоположных и стремящихся уничтожить друг друга. Я едва осмелюсь добавить, но мы должны сделать этот шаг, чтобы первый из этих терминов получил название *тезис*, позиция, а второй — *анти-тезис*, контр-позиция. Этот механизм сейчас настолько известен, что он скоро, надеюсь, появится в учебной программе начальных школ. Позже мы увидим, как из комбинации этих двух нулей возникает единство или идея, которая заставляет антиномию исчезнуть.

Таким образом, в стоимости нет ничего полезного, что нельзя обменять, ничто нельзя обменять, если оно бесполезно: полезная стоимость и обменная стоимость неразделимы. Но

в то время, как в результате развития промышленности спрос меняется и бесконечно увеличивается; производство, следовательно, стремится увеличивать естественную полезность вещей и, в конечном счете, превращать любую полезную стоимость в меновую стоимость; — с другой стороны, производство, непрерывно увеличивающее мощность своих средств и снижающее свои затраты, стремится уменьшать продаваемость вещей: так же, как находятся в постоянной борьбе полезная стоимость и меновая стоимость.

Эффекты этой борьбы известны: торговые и сбытовые войны, перепроизводства, стагнации, запреты, зверства конкуренции, монополия, снижение заработной платы, законы максимумов, подавляющее неравенство состояний, нищета проистекают из антиномии стоимости. Да освободят меня от демонстрации всего этого здесь, поскольку она появится, естественно, в следующих главах.

Социалисты, справедливо требуя положить конец этому антагонизму, ошибались, игнорируя источник и видя в нем только неправильное понимание здравого смысла, которое можно исправить указом государственной власти. Отсюда этот взрыв грустного идиотизма, который сделал социализм настолько неспособным для позитивного восприятия и который, распространяя самые абсурдные иллюзии, до сих пор постоянно производит так много одураченных. В чем я обвиняю социализм, появившийся небеспричинно; так это в том, что он остается так долго и так упрямо глупым.

2.

Но экономисты не менее серьезно заблуждались, когда заведомо отклоняли, именно в силу противоречивых данных, или, точнее сказать, противоречия стоимости, любую идею и любую надежду на реформу, даже не желая понять, что как раз при достижении обществом периода наивысшего антагонизма неизбежным становится наступление примирения и гармонии. Все-таки тщательное изучение политической экономии повлияло бы на его последователей, если бы они больше учитывали вопросы современной метафизики. Всем тем, что человеческому разуму известно наиболее позитивного, было продемонстрировано, что там, где проявляется антиномия, появляется обещание разрешения условий и, следовательно, объявление трансформации. Иными словами, понятие стоимости, как оно было раскрыто, в частности, г-ном Ж.-Б. Сэем, относится именно к этому случаю. Но экономисты, отсталые по большей части и, по непостижимой фатальности чуждые философскому движению, не осмеливались предполагать, что противоречивый характер или, как они говорили, вариативность стоимости, в то же время являются подлинным признаком ее конституционности, я имею в виду ее чрезвычайно гармоничную и определяемую природу. К позору различных экономических школ несомненно, что их оппозиция социализму исходит исключительно из этой ложной концепции их собственных принципов; достаточно одного доказательства из тысячи.

Академия наук, превысив однажды свои полномочия, устроила чтение записок, в которых было предложено рассчитать таблицы стоимостей для всех товаров, приходящихся в среднем на одного человека в течение одного рабочего дня по каждой отрасли промышленности. «*Экономический журнал*» (август 1845 г.) немедленно взял текст этого сообщения, противный его взору, чтобы протестовать против предложенного тарифа,

который был предметом записок, и восстановить то, что он назвал истинными принципами.

«Не существует, — сообщал он в своих заключениях, — единицы измерения стоимости, стандарта стоимости; это экономическая наука говорит — так же, как математическая наука говорит нам, что не существует вечного двигателя и квадратуры круга, и что эта квадратура и этот двигатель никогда не обнаружатся. Поэтому, если не существует стандарта стоимости, если единица измерения стоимости не более, чем метафизическая иллюзия, каково в конечном итоге правило, регулирующее обмена?. Это, как уже было сказано, *предложение и спрос*, — вот последнее слово науки».

Но как «*Экономический журнал*» доказал, что нет единицы измерения стоимости? Я воспользуюсь этим употребляемым термином: я покажу в свое время, что это выражение, *единица измерения стоимости*, подозрительно и не передает в точности то, что мы хотим и что мы должны сказать.

Этот журнал повторял, сопровождая примерами, утверждение об изменчивости стоимости, которое мы привели выше, но не делая вывода, как мы, о существовании противоречия. Теперь, если бы уважаемый редактор, один из самых выдающихся экономистов школы Сэя, располагал бы более серьезными диалектическими привычками; если бы он долго тренировался не только в наблюдении за фактами, но и в поисках их объяснения в идеях, которые их порождают, я не сомневаюсь, что он выражался бы более сдержанно, и что вместо того, чтобы видеть в изменчивости стоимости *последнее слово науки*, он увидел бы в нем первое слово. В размышлениях о том, что изменчивость стоимости происходит не от вещей, а от ума, он сказал бы себе, что, поскольку свобода человека имеет свой закон, стоимость также должна иметь свой собственный; следовательно, нет ничего иррационального в гипотезе единицы измерения стоимости, поскольку, наоборот, отрицание этой единицы нелогично, безосновательно.

В самом деле, почему идея измерить и, следовательно, зафиксировать стоимость претит науке? Все верят в эту фиксацию; все хотят ее, ищут ее, предполагают: каждое предложение о продаже или покупке — это, в конечном счете, не что иное, как сравнение двух стоимостей, то есть более или менее справедливое, если хотите, но эффективное ее определение. Мнение человечества о разнице, существующей между реальной стоимостью и стоимостью в продаже, можно сказать, единодушно. Это то, что заставляет продавать так много товаров по фиксированной цене; есть даже такие товары, стоимость которых, даже во всех вариациях, всегда фиксированная: таков хлеб. Никто не отрицает, что, если два производителя могут взаимнообразно отгрузить по установленной цене соответствующие количества их продуктов, то десять, сто, тысяча производителей не смогут сделать то же самое. Однако именно это решило бы проблему измерения стоимости. Я согласен, что стоимость всего обсуждаема, потому что обсуждение все еще является для нас единственным способом установить стоимость; но, в конце концов, поскольку весь мир исходит от потрясения, обсуждение, хотя и является доказательством неопределенности, нацелено, более или менее добросовестно, на обнаружение взаимосвязи стоимостей, то есть их измерение, их закон.

Рикардо [144] в своей теории ренты дал великолепный пример соизмеримости стоимостей. Он показал, что стоимости пахотных земель относятся друг к другу так же, как стоимости

урожаев с этих земель; и универсальная практика в этом согласуется с теорией. Тогда кто скажет нам, что этот положительный и верный способ оценки земли и вообще всего задействованного капитала не может распространяться так же на продукты?...

Говорят: политическая экономия не регулируется предположениями; она высказывается только о свершившихся фактах. Значит, это факты, это опыт, который учит нас тому, что не существует и не может существовать измерение стоимости, и который доказывает, что если такая идея возникла естественным путем, ее реализация — полная химера. Предложение и спрос — единственное правило торговли.

Я не буду повторять, что опыт доказывает ровно обратное; что все в экономическом движении общества указывает на тенденцию к формированию и закреплению стоимости; что это является кульминацией политической экономии, которая в соответствии с этим формированием трансформируется и является высшим признаком порядка в обществе: это общее суждение, повторенное без доказательств, будет скучным. На данный момент я ограничиваюсь условиями обсуждения и говорю, что *предложение* и *спрос*, которые, как утверждается, — единственное, что регулирует стоимость, являются не чем иным, как двумя церемониальными формами, служащими для того, чтобы установить существование полезной стоимости и стоимости обмена, и добиться их примирения. Это два электрических полюса, соединение которых должно вызывать феномен экономической близости, называемый ОБМЕНОМ. Подобно полюсам стека (прута), предложение и спрос диаметрально противоположны и постоянно стремятся уничтожить друг друга; именно благодаря их антагонизму цена вещей либо возрастает, либо уменьшается: поэтому мы хотим знать, нет ли возможности в любом случае уравновесить или заставить потесниться эти две силы таким образом, чтобы цена вещей всегда являлась выражением истинной стоимости, выражением справедливости. Сказать после этого, что предложение и спрос являются правилом обменов, значит сказать, что предложение и спрос являются правилом предложения и спроса; это не объяснение практики, это объявление ее абсурдной, и я отрицаю, что практика абсурдна.

Ранее я ссылался на Рикардо, который предоставил, для частного случая, положительное правило сравнения стоимостей: экономисты поступают еще лучше; каждый год они составляют статистические таблицы, средние значения всей торговли. В чем смысл средних значений? Все понимают, что в конкретной операции, взятой случайным образом из миллиона, ничто не может указать — предложение ли, полезная стоимость соответствуют ему (этому среднему значению), или обменная стоимость, то есть спрос. Но поскольку любое увеличение цены товара рано или поздно сопровождается пропорциональным падением; поскольку, иными словами, в обществе доходы от ажио [145] равны затратам, поэтому можно правильно оценить средние цены за полный период в качестве указания на реальную и справедливую стоимость продуктов. Это среднее значение, правда, появляется слишком поздно: но кто знает, можем ли мы заранее обнаружить его? Существует ли экономист, который осмелится сказать «нет»?

Нравится нам это или нет, мы должны искать меру стоимости: логика этого требует, и ее выводы одинаково годятся и против экономистов, и против социалистов. Мнение, которое отрицает существование этой меры (стоимости), является иррациональным, необоснованным. Скажите, если хотите, с одной стороны, что политическая экономия — это

наука о фактах, а факты противоречат гипотезе определения стоимости; — с другой стороны, что этот щепетильный вопрос больше не имеет места в универсальном объединении, которое поглотило бы весь антагонизм: я всегда отвечаю, правым и левым:

1) Как нет факта, не имеющего своей причины, так же нет и факта, не имеющего своего закона; и что если не найден закон обмена, то ошибка кроется не в фактах, а в ученых;

2) До тех пор, пока человек будет работать, чтобы существовать, и будет работать свободно, справедливость будет условием братства и основой объединения: следовательно, без определения стоимости справедливость невозможна.

§ II. Формирование

стоимости: определение богатства

Нам известна стоимость в двух ее противоположных аспектах: она не известна нам В ЦЕЛОМ. Если бы мы могли принять эту новую идею, мы имели бы абсолютную стоимость; и тарификация стоимостей, как об этом говорилось в докладе, прочитанном в Академии наук, стала бы возможной.

Представим себе богатство как массу, удерживаемую химической силой в постоянном состоянии, в которую постоянно поступают новые элементы, объединяющиеся в разных пропорциях, но согласно определенному закону: стоимость является пропорциональным соотношением (мерой), в соответствии с которым каждый из этих элементов является частью целого.

Из этого следуют две вещи: — первая, что экономисты совершенно ошибались, поскольку искали общую меру стоимости в пшенице, деньгах, ренте и т. д.; так же, как когда увидели, что этот стандарт измерения не был ни здесь, ни там, они пришли к выводу, что не было ни причины, ни меры стоимости; — вторая, что соотношение стоимостей может изменяться непрерывно, без остановки на подчинение закону, определение которого является искомым решением.

Эта концепция стоимости удовлетворяет, как это будет видно далее, всем условиям: поскольку она включает в себя одновременно и полезную стоимость, — в том, что в ней является положительным и фиксированным, и стоимость обмена, — в том, что в ней вариативно; во-вторых, она прекращает противостояние, которое казалось непреодолимым препятствием для любого определения; более того, мы покажем, что стоимость, понимаемая таким образом, полностью отличается от того, каким будет простое сопоставление двух идей полезной стоимости и обменной стоимости, и что она наделена новыми свойствами.

Пропорциональность изделий — не откровение, которым мы собирались поразить мир: не новшество, которое мы привносили в науку, так же, как разделение труда перестало быть неслыханной вещью с тех пор, как Адам Смит разъяснил эти «чудеса». Пропорциональность изделий — это, как нам было бы легко доказать бесчисленными цитатами, вульгарная идея, которая повсюду тянется в трудах политической экономии, но которую никто до сих пор не осмеливался восстановить в свойственном для нее ранге: и это то, что мы сегодня

предпримем. Кроме того, мы хотели сделать это заявление, чтобы заверить читателя в наших претензиях на оригинальность и примирить суждения, которые их вызванная стеснением ограниченность делает менее предпочтительными для новых идей.

Похоже, экономисты никогда не слышали, в отношении меры стоимости, что стандарт, своего рода первичная единица, существующая сама по себе, будет применяться ко всем товарам так же, как измерительный прибор применяется ко всем размерам. Поэтому многим казалось, что эту роль (меры стоимости) исполняли деньги. Но теория валют доказала, что деньги не просто далеки от того, чтобы служить мерой стоимостей, деньги — это просто арифметика, арифметика условности. Деньги для стоимости — то же самое, что термометр для жары: термометр с произвольно градуированной шкалой четко показывает, когда происходит потеря или накопление тепла: но каковы законы равновесия теплоты, какова пропорция в различных телах, какое количество необходимо для подъема на 10, 15 или 20 градусов в термометре, — это то, что термометр не сообщает; нет даже уверенности в том, что степени шкалы, равные между собой, соответствуют такому же росту тепла.

Следовательно, идея, которую мы до сих пор имели в виду в качестве меры стоимости, неверна; то, что мы ищем, не является стандартом стоимости, как было сказано много раз, и не имеет смысла; но следующий закон, согласно которому изделия пропорциональны общественному богатству; поскольку от понимания этого закона зависит то, что является нормальным и законным, взлет и падение стоимостей товаров. Одним словом, как под измерением небесных тел подразумевают отношение, возникающее в результате сравнения этих тел между собой, точно так же, путем измерения стоимостей, необходимо подразумевать соотношение, которое получается в результате их сравнения; отсюда я говорю, что у этого соотношения есть свой закон, а у этого сравнения — свой принцип.

Поэтому я предполагаю силу, которая объединяет в определенных пропорциях элементы богатства и которая делает его однородным целым: если составляющие элементы не находятся в желаемой пропорции, комбинация будет нерабочей; но вместо того, чтобы впитывать всю материю, она отвергнет ее часть как бесполезную. Внутреннее движение, посредством которого происходит комбинация и которое определяет конечную природу различных субстанций, это движение в обществе есть обмен, не только обмен, рассматриваемый в своей элементарной форме как обмен человека с человеком, но и обмен как слияние всех стоимостей, производимых частными отраслями, в одно и то же общественное богатство. Наконец, пропорция, в соответствии с которой каждый элемент входит в состав, эта пропорция — то, что мы называем стоимостью; превышение, которое остается после комбинации, является *не-стоимостью*, поскольку при присоединении определенного количества других элементов оно не комбинируется и не обменивается.

Ниже мы объясним роль денег.

Из всего вышесказанного можно предположить, что в данный момент соотношение стоимостей, составляющих богатство страны, может быть определено статистически или кадастрово, или, по крайней мере, приближенно эмпирически, примерно так же, как химики открыли опытным путем и с помощью анализа соотношение водорода и кислорода, необходимое для образования воды. Этот метод, применяемый для определения

стоимостей, не имеет противоречий; в конце концов, это просто вопрос учета. Но такая работа, какой бы интересной она ни была, нас мало чему научит. С одной стороны, мы знаем, на самом деле, что пропорция постоянно меняется; с другой стороны, ясно, что из перечня общественного дохода, предоставляющего пропорцию стоимостей только для того места и времени, когда будет составлена таблица, мы не смогли бы вывести закон пропорциональности богатства. Это не единственная работа такого рода, которая потребовалась бы для этого; это будет, если признать, что процесс заслуживает доверия, тысячей и миллионом подобных работ.

Так вот, экономическая наука — нечто иное, нежели наука химия. Химики, которым опыт открыл такие замечательные пропорции, ничего не знают ни о том, как или почему возникли эти пропорции, ни о силе, которая их определяет. Напротив, общественная экономика, в которой никакие исследования *à posteriori* (на основании опыта) не могли напрямую раскрыть закон пропорциональности стоимостей, может охватить его в той самой силе, которая его производит, и которую пора сделать известной.

Эта сила, которую А. Смит восхвалял так красноречиво и которую его преемники игнорировали, оставив ему эту привилегию, эта сила — ТРУД. Труд отличается от производителя к производителю по количеству и качеству; это то же самое в этом отношении, что и все великие правила и общие законы природы, простые в их действии и формуле, но измененные до бесконечности множеством конкретных причин и проявляющиеся в неисчислимом разнообразии форм. Это труд, только труд, который производит все элементы богатства и который объединяет их до последних молекул в соответствии с законом переменной, но определенной пропорциональности. Наконец, это труд, который, как основной жизненный принцип, беспокоит, *mens agitatur* (планирует мысли), материю, *moles* (основную массу) богатства и обеспечивает его.

Общество, или коллективный человек, производит бесконечность объектов, пользование которыми составляет его *благосостояние*. Это благосостояние происходит не только из количества продуктов, но также из их *разнообразия* (качества) и *пропорции* (доли). Из этого основополагающего факта следует, что общество должно всегда, в каждый момент своего существования искать в своих изделиях такую пропорцию, которая обеспечивала бы самую высокую сумму благосостояния с учетом потенциала и средств производства. Изобилие, разнообразие и пропорция в продуктах — вот три термина, которые составляют БОГАТСТВО: богатство, объект социальной экономики, подчиняется тем же условиям существования, что и красота, объект искусства; добродетель, объект морали; истина, объект метафизики.

Но как устанавливается эта изумительная и настолько необходимая пропорция, что без нее часть человеческого труда оказывается утерянной, то есть бесполезной, негармоничной, неистинной, следовательно, синонимичной бедности, отсутствию?

Прометей, согласно мифу, является символом человеческой деятельности. Прометей крадет огонь с неба и изобретает первые искусства; Прометей предвидит будущее и хочет сравняться с Юпитером; Прометей это Бог. Назовем, следовательно, общество Прометеем.

Прометей выделяет на работу, в среднем, десять часов в день, семь на сон, столько же на

удовольствия. Чтобы получить самые полезные плоды от своих упражнений, Прометей принимает к сведению тяжесть и время, которые каждый из предметов его потребления стоит ему. Ничто, кроме опыта, не может научить этому, и этот опыт будет длиться всю жизнь. Работая и производя, Прометей испытывает бесконечное множество разочарований. Но, в конечном итоге, чем больше он работает, тем больше его благосостояние становится изысканным и его роскошь идеализируется; чем больше он распространяет свои завоевания над природой, тем больше он укрепляет в себе принцип жизни и умственные способности, реализация которых сама по себе делает его счастливым. Дело в том, что первое понятие Рабочего, которое он однажды получил, и порядок, установленный в его профессиях, это то, что работа для него больше не огорчение, но это жизнь, это потребление. Но притяжение труда не отменяет правила, поскольку, наоборот, правило является плодом труда; и те, кто под предлогом того, что работа должна быть привлекательной, приходят к отрицанию справедливости и общества, напоминают детей, которые, собрав цветы в саду, укладывают цветник на лестнице.

Следовательно, справедливость в обществе есть не что иное, как пропорциональность стоимостей; в качестве ее гарантии и наказания выступает ответственность производителя.

Прометей знает, что один продукт стоит час работы, другой — день, неделю, год; в то же время он знает, что все эти изделия по мере роста расходов обеспечивают прогресс его богатства. Поэтому он начнет с обеспечения своего существования, снабжая себя наименее дорогостоящими вещами и, следовательно, наиболее необходимыми; тогда, по мере принятия мер безопасности, он обратится к предметам роскоши, всегда действуя, если он мудр, согласно естественному увеличению цены, которую каждая вещь ему стоит. Несколько раз Прометей ошибется в своих расчетах, или, уносимый страстью, он пожертвует немедленным благом ради безвременной радости; и после пролития крови и пота умрет с голоду. Таким образом, закон несет в самом себе свое наказание: его нельзя нарушить без того, чтобы преступник не понес вскоре же наказания.

Поэтому Сэй правильно сказал: «Благополучие этого класса (потребителей), состоящее из всех прочих, формирует общее благосостояние, состояние процветания страны». Только он должен был добавить, что благополучие класса производителей, которое также состоит из всех прочих, также формирует общее благосостояние, состояние процветания страны. — Аналогично, когда он говорит: «Состояние каждого потребителя постоянно соперничает со всем тем, что он покупает», он должен был бы добавить:

«Состояние каждого производителя постоянно подвергается нападкам со стороны всего, что он продает». Без этой взаимности большинство экономических явлений становятся невразумительными; и я покажу в свою очередь, как из-за этого серьезного упущения большинство экономистов, создающих целые книги, безразлично относятся к торговому балансу.

Ранее я говорил, что общество сначала производит *наименее дорогостоящие вещи и, следовательно, самые необходимые...* Так вот, верно ли, что в продукте необходимость имеет в качестве соотношения дешевизну и *vice versa* (наоборот); так что эти два слова, *необходимость* и *дешевизна*, как и два следующих, *дорогое* и *лишнее*, являются

синонимами?

Если бы каждый продукт труда, взятый в отдельности, мог бы быть достаточным для существования человека, рассматриваемая синонимия не была бы сомнительной; из всех продуктов, имеющих одинаковые свойства, они были бы наиболее выгодными в производстве, и, следовательно, самыми необходимыми и стоили бы меньше всего. Но не с этой теоретической точностью формулируется параллель между потреблением и ценой продуктов: либо исходя из природы, либо по любой другой причине баланс между потребностью и производственными возможностями — это более, чем теория, это факт, от которого отталкивается повседневная практика, а также прогресс общества.

Давайте перенесемся на следующий день после рождения человека, ко дню начала движения цивилизации: не правда ли, что отрасли, наиболее простые в основе, те, которые требовали наименьшей подготовки и затрат, были следующие: *собираательство, скотоводство, охота и рыбалка*, вслед за которыми и много позднее появилось земледелие? С тех пор эти четыре первичные отрасли были усовершенствованы и более развиты: двойное обстоятельство, которое не меняет сути фактов, но, напротив, предоставляет больше содействия. Действительно, собственность всегда сопровождается предпочтительностью к объектам потребления, обладающим самой непосредственной пользой, к уже *полученным стоимостям*, если можно так сказать; настолько, насколько возможно маркировать шкалу стоимостей прогрессом присвоения. В своей работе о «Свободе труда», г-н Дюнойе положительно присоединился к этому принципу, выделив четыре основные промышленные категории, которые он ранжирует в соответствии с порядком их развития, то есть с наименьшими трудозатратами. К ним относятся: *добывающая промышленность*, включая все полуварварские функции, упомянутые выше; — *торговля, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство*. У ученого автора была серьезная причина расположить сельское хозяйство на последнем месте. Потому что, несмотря на свою древность, известно, что эта отрасль развивалась не так, как другие; так что последовательность вещей в человечестве должна определяться не происхождением, а всем своим развитием. Возможно, сельскохозяйственная отрасль и зародилась раньше других, или что все они современны друг другу; но именно та будет оценена последней, которая усовершенствуется позже всех.

Таким образом, сама природа вещей, а также собственные потребности указывали работнику на порядок, в котором он должен был штурмовать производство стоимостей, формирующих его благосостояние: следовательно, наш закон пропорциональности является как физическим, так и логическим, объективным и субъективным; он обладает высшей степенью уверенности. Проследим за его осуществлением.

Из всех продуктов труда, пожалуй, ни один не стоил таких длительных усилий и терпения, как календарь. Однако нет ничего, чем можно пользоваться по более низкой цене, и, следовательно, согласно нашим собственным определениям, нет ничего более необходимого. Как мы объясним это изменение? Как календарь, столь мало полезный для первых полчищ, которым нужно было только чередование ночи и дня, как зимы и лета, в конечном итоге стал настолько важным, таким недорогим, таким превосходным; поскольку, по изумительному соглашению, в социальной экономике все эти эпитеты переводятся? Как,

одним словом, объяснить изменчивость стоимости календаря согласно нашему закону пропорций?

Чтобы работа, необходимая для создания календаря, была выполнена и была возможной, человек должен был найти способ сэкономить время на своих первых занятиях и на тех, которые были непосредственно необходимыми. Другими словами, эти отрасли должны были стать более производительными или менее дорогими, чем они были в начале: это означает, что проблема производства календаря должна была быть решена в первую очередь, перед добывающими отраслями.

Поэтому я полагаю, что внезапно, благодаря счастливому сочетанию усилий, разделению труда, использованию какой-то машины, лучшему пониманию направления действия природных агентов, одним словом, силой промышленности Прометей находит способ производства в течение одного дня определенного объекта столько, сколько он когда-то произвел за десять дней: что будет дальше? изделие изменит положение в таблице элементов богатства; сила его родства с другими изделиями, если можно так сказать, увеличится, его относительная стоимость будет уменьшена на ту же величину, и вместо того, чтобы быть оцененным как 100, оно будет оценено только как 10. Но эта стоимость не будет меньше и не будет всегда строго определена; и только труд сформирует цифру собственной значимости. Таким образом, стоимость меняется, а закон стоимостей остается неизменным: к тому же, если стоимость подвержена изменению, это потому, что она подчиняется закону, принцип которого по существу подвижен — с учетом труда, измеряемого временем. Те же рассуждения применимы к производству календаря, как и для прочих возможных ценностей. Мне не нужно добавлять, каким образом цивилизация, то есть социальный факт увеличения богатств, умножая наши свершения, делая наши мгновения все более и более ценными, заставляя нас вести самый постоянный и детализированный реестр за всю жизнь, сделала календарь одной из самых необходимых вещей для всех. Мы знаем к тому же, что это замечательное открытие сформировало в качестве своего естественного дополнения одну из наших самых важных отраслей — производство часов.

Здесь, естественно, возникает возражение, единственное, которое может быть выдвинуто против теории пропорциональности стоимостей.

Сэй и экономисты, которые следовали за ним, заметили, что труд сам по себе подлежит оценке, что это товар, как и любой другой товар, и, наконец, (заметили) замкнутый круг как принцип и действенную причину образования стоимости. Следовательно, делается вывод, нужно ссылаться на исключительность и мнение. Экономисты, позвольте заметить, проявили поразительное невнимание к этому. Говорят, что работа стоит не так, как стоит сам товар, а как те ценности, которые в нем содержатся. Стоимость труда — это образное выражение, превосходство причины над следствием. Это выдумка, точно так же, как производительность капитала. Труд производит, капитал стоит: и когда с помощью своего рода эллипса мы говорим о стоимости труда, получается совпадение, которое не противоречит правилам языка, но теоретики должны воздерживаться от того, чтобы принимать его за реальность. Труд, как свобода, любовь, амбиции, гений, является неуловимой и неопределенной вещью по своей природе, но такой, которая определяется

качественно ее объектом, то есть становится реальностью благодаря своему продукту. Поэтому, следовательно, когда мы говорим: работа этого человека стоит пять франков в день, это как если бы мы говорили: продукт ежедневной работы этого человека стоит пять франков.

Согласно этому анализу, стоимость, рассматриваемая в обществе, естественно сформированном путем разделения труда и обмена между производителями, представляет собой *соотношение пропорциональности продуктов, составляющих богатство*; и то, что специально называется стоимостью продукта, представляет собой формулу, которая в денежном выражении указывает на долю этого продукта в общем богатстве. — Полезность является основой стоимости; труд формирует отчет; цена — это выражение, которое, помимо aberrаций (искажений), которые нам придется изучить, переводит этот отчет.

Таков центр, вокруг которого колеблются полезная стоимость и обменная стоимость, точка, в которой они разрушаются и исчезают; таков абсолютный, неизменный закон, который доминирует над экономическими потрясениями, капризами промышленности и торговли и который управляет прогрессом. Все усилия мыслящего и трудящегося человечества, все индивидуальные и общественные операции подчиняются, как неотъемлемая часть коллективного богатства, этому закону. Судьба политической экономии состояла в том, чтобы, последовательно сопоставив все ее противоречивые термины, признать его; объект социальной экономики, которую я прошу на мгновение разрешить отличать от политической экономии, к тому же в основе они не должны отличаться друг от друга, будет состоять в том, чтобы пропагандировать его и воплощать повсеместно.

Теория измерения или пропорциональности стоимостей, да будет известно, — это сама теория равенства. Аналогично, фактически, в обществе, где мы видели, что тождество между производителем и потребителем является полным, доход, выплачиваемый бездельнику, подобен ценности, брошенной в огонь Этны; так же рабочий, которому назначается чрезмерная заработная плата, подобен жнецу, которому дают целую буханку за один колос: и все, что экономисты называли *непроизводительным потреблением*, не что иное, как в основе своей нарушение закона пропорциональности.

Позже мы увидим, как из этих простых фактов общественный гений постепенно выводит все еще неясную систему организации труда, возмещения (формирования) заработной платы, ценообразования на товары и всеобщей солидарности. Потому что порядок в обществе основан на расчетах неумолимой справедливости, но никак не на райских чувствах братства, преданности и любви, которые столь многие уважаемые социалисты стремятся возбудить в народе. Это напрасно, что, следуя примеру Иисуса Христа, они проповедуют необходимость и дают пример жертвы; эгоизм сильнее, и закон суровости, экономической фатальности — единственное, что способно преодолеть его. Человеческий энтузиазм может вызвать толчки, благоприятствующие прогрессу цивилизации; но эти вспышки настроений, подобно колебаниям стоимостей, никогда не приведут к иному результату, кроме как к установлению с большей силой, с большим абсолютизмом справедливости. Природа, или Божественность, не доверяла нашим сердцам; она не верила в любовь человека к своему ближнему; и все, что наука открывает нам из представлений Провидения о прогрессе общества, — я говорю это к позору человеческой совести, но нужно, что было известно о

нашем лицемерии, — свидетельствует о глубоком человеконенавистничестве со стороны Бога. Бог помогает нам не по доброте, а потому, что порядок — это его сущность; Бог обеспечивает благо мира не потому, что считает его достойным, а потому, что религия его высочайшего разума обязывает его делать это; и хотя простонародье наделяет его нежным именем отца, для историка, философ-экономиста невозможно поверить, что он любит или ценит нас.

Давайте подражать этому возвышенному безразличию, этой стоической безмятежности Бога; и поскольку заповедь милосердия всегда терпела неудачу в производстве общественных благ, давайте будем с чистым разумом искать условия гармонии и добродетели.

Стоимость, понимаемая как пропорциональность продуктов, другими словами, ОБРАЗОВАННАЯ СТОИМОСТЬ, обязательно и в равной степени предполагает *полезность* и *продаваемость*, неразрывно и гармонично объединенные. Она предполагает полезность, поскольку без этого условия продукт был бы лишен того свойства, которое делает его способным к обмену и, следовательно, делает его элементом богатства; — она предполагает продаваемость, поскольку если бы товар не был в любое время и по определенной цене приемлем для обмена, он был бы просто бесполезным, он был бы ничем.

Но в образованной стоимости все эти свойства приобретают более широкое, более упорядоченное и правильное значение, чем раньше. Таким образом, полезность уже не обладает той способностью, так сказать, инертной, которой обладают вещи, предназначенные для обслуживания наших удовольствий и наших исследований; продаваемость не является преувеличением или слепой прихотью; наконец, изменчивость перестала превращаться в полный неудач спор между предложением и спросом: все это исчезло, чтобы освободить место для позитивной, нормальной и, при всех возможных модификациях, определяемой идеи. Образованием стоимостей каждый продукт, если позволено провести такую аналогию, подобен пище, которая, будучи найденной с помощью инстинкта питания, затем переработанная пищеварительным органом, попадает в общий круговорот, где она превращается, в определенных пропорциях, в плоть, кости, жидкости и т. д., и дает жизнь, силу и красоту телу.

Теперь что происходит в идее стоимости, поскольку от антагонистических понятий полезной стоимости и стоимости в обмене мы поднимаемся до понятия образованной стоимости или абсолютной стоимости? Существует, если осмелиться так сказать, взаимное проникновение, в котором два элементарных понятия цепляются друг к другу, как сцепленные атомы Эпикура, поглощают друг друга и исчезают, оставляя на своем месте соединение, наделенное, но в большей степени всеми их положительными свойствами и избавленное от их отрицательных свойств. Стоимость на самом деле такую, как деньги, ценные бумаги первого класса, государственные ценные бумаги, акции надежного предприятия, невозможно ни преувеличить без причины, ни потерять в обмене: она отныне подчиняется только естественному закону увеличения промышленных специализаций и росту производства. Более того, такая стоимость не является результатом перевода, то есть эклектики, золотой середины или смеси: это продукт полного слияния, продукт совершенно новый и отличающийся от своих компонентов: как вода, продукт сочетания водорода и

кислорода, это отдельное тело, совершенно отличное от его элементов.

Разрешение двух противоположных идей в третий высший порядок — это то, что называется синтезом. Оно одно дает позитивную и окончательную идею, которая, как мы видели, получается последовательным утверждением или отрицанием, потому что это возвращает к двум диаметрально противоположным концепциям. Из чего мы выводим эту неизбежную значимость капитала как в применении, так и в теории: во всех случаях, когда — будь то сфера морали, история или политическая экономия, анализ обнаруживал антиномию идеи, можно утверждать *à priori*, что эта антиномия скрывает высшую идею, которая рано или поздно появится.

Я сожалею, что так долго настаивал на представлениях, знакомых всем молодым людям уровня бакалавриата; но я обязан этими деталями некоторым экономистам, которые в связи с моей критикой собственности громоздили дилеммы над дилеммами, чтобы доказать мне, что, если я не являюсь собственником, я обязательно являюсь коммунистом; все из-за незнания того, что такое тезис, антитеза и синтез.

Синтетическая идея стоимости, как основного условия порядка и прогресса для общества, была смутно воспринята Ад. Смитом, когда, используя выражения г-на Бланки, «он показал в работе универсальную и неизменную меру стоимостей и позволил увидеть, что всякая вещь имеет свою естественную цену, к которой она постоянно стремится в разгар колебаний текущей цены, вызванных *случайными обстоятельствами*, чуждыми рыночной стоимости вещи».

Но эта идея стоимости была полностью интуитивной у А. Смита: иначе говоря, общество не меняет свои привычки на основе интуиции; оно принимает решения только на основании фактов. Нужно, чтобы антиномия воспринималась более осмысленно и более целостно: ее основным интерпретатором был Ж.-Б. Сэй¹. Но, несмотря на воображение и пугающую изощренность этого экономиста, определение Смита доминирует над ним и прорывается повсюду в его рассуждениях.

«Оценить вещь, — говорит Сэй, — значит *заявить*, что она должна быть *рассчитана* так же, как и другая, которую мы обозначаем. Стоимость каждой вещи неопределенна и произвольна *до тех пор*, пока она НЕ ПРИЗНАНА». Поэтому существует способ признать стоимость вещей, то есть зафиксировать ее; и так как это признание или фиксация осуществляется путем сравнения вещей между собой, следовательно, существует также общий характер, принцип, посредством которого *заявляют*, что одна вещь стоит больше, меньше или столько же, сколько другая.

Сначала Сэй сказал: «Мера стоимости — это стоимость другого продукта». Позже, поняв, что это предложение оказалось лишь тавтологией, он изменил его следующим образом: «Мера стоимости — это *количество* другого продукта», что столь же невразумительно. В других местах этот писатель, обычно такой ясный и твердый, смущает сам себя напрасными разграничениями: «Можно определить стоимость вещей; ее нельзя измерить, то есть сравнить ее с чем-то неизменным и известным, потому что его нет. Все, что можно сделать, сводится к оценке вещей путем их сравнения». В других случаях он проводит различие

между реальными и относительными стоимостями: «К первым относятся те, в которых стоимость вещей меняется вместе с затратами на производство; вторые — это те, в которых стоимость вещей изменяется по отношению к стоимости других товаров».

Особая забота гениального человека, который больше не умеет ничего, кроме как *сравнивать, подсчитывать, оценивать* — ИЗМЕРЯТЬ; что любое измерение является не чем иным, как сравнением, дающим правдивый результат, если сравнение сделано правильно; следовательно, реальная стоимость или мера и относительная стоимость или мера — вещи совершенно идентичные; и что трудность уменьшается не потому, что найден стандарт измерения, поскольку все величины могут существовать взаимно, а потому, что определена точка сравнения. В геометрии точкой сравнения является площадь, а единицей измерения является иногда деление круга на 360 частей, иногда окружность земного шара, иногда средний размер руки, кисти, большого пальца или стопы человека. В экономике, мы говорили об этом после А. Смита, точка зрения, с которой сравниваются все стоимости, — это труд; что касается единицы измерения, то во Франции это ФРАНК. Невероятно, что так много разумных людей в течение сорока лет боролись против такой простой идеи. Но нет: сравнение стоимостей проводится без какой-либо точки сравнения между ними и без единицы измерения; — что нужно было бы, вместо того, чтобы принимать революционную теорию равенства, которую экономисты девятнадцатого века решили поддержать против здравого смысла. Что скажут потомки?

Сейчас я покажу на ярких примерах, что идея измерения или пропорции стоимостей, необходимая в теории, была реализована и реализуется каждый день на практике.

§ III. Применение закона пропорциональности стоимостей

Любой продукт является репрезентативным признаком труда. Любой товар можно, следовательно, обменять на другой, и повсеместная практика это доказывает. Но исключите труд: у вас останутся только более или менее крупные утилиты, которые, не будучи носителями ни какого-либо экономического характера, ни какого-либо человеческого признака, несоизмеримы друг с другом, то есть, логически, не способны к обмену.

Деньги, как и любой другой товар, являются репрезентативным признаком труда: на этом основании они могли выступать в качестве общего оценщика и посредника в сделках. Но особая функция, которую использование отводит драгоценным металлам в качестве торгового агента, является чисто условной, и любой другой товар мог бы, возможно, менее удобно, но столь же достоверным образом выполнить эту роль: экономистам это известно, и тому есть более, чем один пример. В чем причина такого предпочтения, которое обычно отдается металлам, чтобы служить в качестве денег, и как объясняется эта особенность функции денег, не имеющая аналогов в политической экономии? Потому что все уникальное и непревзойденное в своем роде по этой самой причине более сложно для понимания, часто даже не складывается вообще. Теперь, возможно ли восстановить цепочку, из которой, кажется, деньги были отделены, и, следовательно, вернуть их к первооснове?

По этому вопросу экономисты, по своей привычке, вышли из сферы своей науки: они занялись физикой, механикой, историей и т. д.; они говорили обо всем и не отвечали. Драгоценные металлы, говорили они, своей редкостью, плотностью, нетленностью, представляли в качестве монет удобства, которые невозможно было встретить в таком же объеме в других товарах. Короче говоря, экономисты вместо того, чтобы отвечать на поставленный перед ними экономический вопрос, принялись рассматривать вопросы искусства. Они очень хорошо оценивали механическую способность золота и серебра служить в качестве денег; но что никто из них не видел и не понимал, — это экономическую причину, которая определила привилегию, используемую драгоценными металлами.

Теперь, то, что никто не заметил, что из всех товаров именно золото и серебро являются первыми, чья стоимость появилась одновременно с ее определением (с тем, как появилась сама стоимость). В патриархальный период золото и серебро все еще торгуются и обмениваются в слитках, но уже с видимой тенденцией к доминированию и с явным предпочтением. Мало-помалу феодалы присваивают металл и прикрепляют к нему свою печать: и из этого суверенного посвящения рождаются деньги, то есть товар,

превосходящий то, что, несмотря на все потрясения торговли, сохраняет определенную пропорциональную стоимость и принимается при любом платеже.

На самом деле деньги отличают не твердость (золота и серебра), она меньше стали; ни его полезность, она гораздо ниже, чем у пшеницы, железа, угля и множества других веществ, ценность которых, как считается, меньше золота; — это не дефицит и не плотность: и то, и другое можно дополнить либо работой, выполняемой для других материалов, либо, как сегодня, банковской бумагой, представляющей огромные груды железа или меди. Отличительная черта золота и серебра, повторяю, заключается в их металлических свойствах, в трудностях их производства и, прежде всего, благодаря вмешательству государственной власти, у них появился шанс на превосходство в качестве товаров, на постоянство и аутентичность.

Поэтому я говорю, что стоимость золота и серебра, в частности той части, которая идет на изготовление монет, хотя, возможно, эта стоимость еще не рассчитана строгим образом, больше не имеет ничего произвольного; я добавляю, что она больше не подвержена амортизации, как другие стоимости, хотя, однако, может постоянно меняться. Все затраты на рассуждение и изучение, которые мы сделали, чтобы доказать на примере денег, что стоимость является чем-то принципиально неопределимым, — все это паралогизмы, проистекающие из ложного представления о проблеме, *ab ignorantia elenchi* (из игнорирования аргумента).

Филипп I, король Франции, смешивает, согласно турнирным книгам Карла Великого, треть сплава, представляя, что только он, обладающий монополией на изготовление монет, может делать то, что и любой трейдер, имеющий монополию на ту или иную продукцию. В самом деле, что же такое изменение валют, столь раскритикованное Филиппом и его преемниками? рассуждение, которое является очень правильным с точки зрения коммерческой рутины, но очень ложным в экономической науке, а именно, что с помощью предложения и спроса, являющихся источником формирования стоимостей, можно, либо создавая искусственный дефицит, либо монополизировав производство, заставить повышаться цены и, следовательно, менять стоимости вещей, и что это так же верно для золота и серебра, как и для пшеницы, вина, масла, табака. Однако о мошенничестве Филиппа заподозрили не ранее, чем цена его валюты оказалась сниженной до ее реальной стоимости, и чем он сам потерял все, что, как он думал, он получил в результате своих операций. То же самое происходит после всех аналогичных попыток. Откуда взялся этот просчет?

По словам экономистов, благодаря подделке количество золота и серебра на самом деле не уменьшилось и не увеличилось, соотношение этих металлов с другими товарами не изменилось, и, следовательно, не во власти монарха было заставить в государстве стоять 4 единицы то, что до того стоило 2. Можно даже предположить, что, если бы вместо изменения валют король мог удвоить их массу, обменная стоимость золота и серебра немедленно снизилась бы в половину — по причине соразмерности и баланса. Таким образом, изменение валюты было, со стороны короля, принудительным займом, или, скажем лучше, банкротством, мошенничеством.

Замечательно: экономисты очень хорошо объясняют, когда хотят, теорию измерения

стоимостей; для этого достаточно склонить их к обсуждению денег. Как же тогда они не видят, что деньги — это писанный закон торговли, тип обмена, первое звено в этой длинной цепочке творений, которые все под названием товаров должны получить общественное разрешение и стать если не по факту, то хотя бы по праву принятыми как валюта на любом рынке?

«Валюта, — очень хорошо сказал г-н Огье, — может служить шкалой наблюдения за состоявшейся торговлей или хорошим инструментом обмена только в случае, если ее стоимость постоянно стремится к идеалу; потому что она всегда меняет и покупает только по той стоимости, которой она сама обладает» (История государственного кредита).

Давайте сведем это чрезвычайно разумное наблюдение в общую формулу.

Труд становится гарантией благополучия и равенства тогда, когда продукт каждого человека пропорционален массе: потому что он никогда не меняет и не покупает, кроме как по стоимости, равной той, которая заключена в нем самом.

Не странно ли, что мы решительно защищаем ажиотажника и фальсификатора, и в то же время указываем на попытку монарха-фальшивомонетчика, который, в конце концов, только присвоил деньгам фундаментальный принцип политической экономии, состоящий в произвольной нестабильности стоимостей? Что когда управляющие советуют отдавать 750 граммов табака по цене килограмма, экономисты кричат о воровстве; — но если тот же управляющий, пользуясь своей привилегией, увеличит цену за килограмм на 2 франка, они обнаружат, что это дорого, но не увидят ничего, что противоречит принципам. Какая путаная эта политическая экономия!

Есть, следовательно, в монетизации золота и серебра нечто большее, чем сообщают экономисты: есть освящение закона пропорциональности, первого акта определения стоимостей. Человечество оперирует во всем бесконечными градациями: усвоив, что все продукты труда должны подчиняться определенной пропорции, которая делает их одинаково взаимозаменяемыми, оно начинает с присвоения этого характера абсолютной взаимозаменяемости особому продукту, который станет для него типом и шефом для всех остальных (продуктов). Таким образом, чтобы поднять членов общества к свободе и равенству, оно начинает с создания королей. Люди испытывают смущение от этого провиденциального процесса, поскольку в своих мечтах о счастливой судьбе и в своих легендах они всегда говорят о золоте и королевской власти; и философы лишь воздают должное универсальному разуму, поскольку в своих так называемых духовных проповедях и социальных утопиях они выступают с равным шумом против золота и тирании. *Auri sacra fames!* (Священная жажда золота!) Чертово золото! — забавно кричит коммунист. С таким же успехом можно сказать: чертова пшеница, чертовы лозы, чертовы овцы; поскольку, как золото и серебро, вся коммерческая стоимость должна прийти к точному и строгому определению. Дело идет с давних пор: сегодня оно заметно прогрессирует.

Перейдем к следующим соображениям.

Аксиома, общепринятая экономистами, заключается в том, что всякая работа должна оставлять излишек.

Это утверждение является для меня универсальной и абсолютной истиной: это следствие закона пропорциональности, который мы можем рассматривать как краткое изложение всей экономической науки. Но, прошу прощения у экономистов, принцип, что *всякая работа должна оставлять излишек*, не имеет смысла в их теории и не поддается никакой демонстрации. Как, если предложение и спрос являются единственным правилом формирования стоимостей, мы можем распознать, что *излишне*, а чего *достаточно*? Ни себестоимость, ни цена продажи, ни заработная плата не могут быть определены математически, как же тогда можно спрогнозировать излишки, прибыль? Коммерческая рутина дала нам и термин, и идею прибыли: и поскольку мы политически равны, мы заключаем, что каждый гражданин имеет равное право на получение прибыли в своей личной сфере деятельности. Но торговые операции по своему существу беспорядочны, и было доказано безапелляционно, что коммерческие прибыли являются лишь произвольным и вынужденным сбором производителя с потребителя, смещением одним словом, чтобы не сказать хуже. Это то, что мы вскоре увидели бы, если бы можно было сравнить общие цифры ежегодного дефицита с ростом прибылей. В смысле политической экономии принцип, согласно которому *всякая работа должна оставлять излишек*, есть не что иное, как освящение конституционного права, которое мы все получили в результате революции, на кражу будущего.

Только закон пропорциональности стоимостей может объяснить причину этой проблемы. Я поставлю вопрос немного выше: она достаточно серьезна, чтобы я отнесся к ней с серьезностью, которой она заслуживает.

Большинство философов, как и филологов, видят в обществе лишь существо разума, или, лучше сказать, абстрактное имя, используемое для обозначения собрания людей. Это предрассудок, который мы все получили с детства на наших первых уроках грамматики, что собирательные названия, названия рода и вида не обозначают реальности. По поводу этой главы можно было бы твердо заметить: я погружаюсь в свой предмет. Для истинного экономиста общество — это живое существо, наделенное собственными разумом и деятельностью, управляемое особыми законами, которые можно обнаружить наблюдением и существование которых проявляется не в физической форме, но через соглашение и близкую солидарность всех его участников. Итак, когда раньше под эгидой легендарного бога мы создавали аллгорию общества, наш язык был в основном не метафорическим: это было социальное существо, единство органическое и синтетическое, которому мы только что дали название. В глазах любого, кто размышлял о законах работы и обмена (я оставляю в стороне все другие соображения), реальность, я почти сказал — личность человека коллективного так же определена, как реальность личности отдельного человека. Разница лишь в том, что один чувствуется как организм, части которого находятся в материальной согласованности, — обстоятельство, которого нет в обществе. Но разум, спонтанность, развитие, жизнь, все, что составляет в высшей степени реальность бытия, столь же важно для общества, как и для человека: и откуда получается, что управление обществами является *наукой*, то есть изучением естественных отношений; а не искусством, то есть не прекрасной и произвольной забавой. Отсюда, наконец, следует, что любое общество деградирует, как только попадает в руки идеологов. Принцип, согласно которому *всякая работа должна оставлять излишек*, недоказуемый для политической экономии, то есть для рутины собственности, является одним из тех, которые больше всего свидетельствуют в пользу реальности коллективного человека: поскольку, как мы увидим далее, этот принцип

справедлив для индивидуумов, потому что он исходит от общества, что, таким образом, предоставляет им выгоду от его собственных законов. Перейдем к фактам. Было отмечено, что железнодорожные компании являются гораздо меньшим источником богатства для предпринимателей, чем для государства. Наблюдение правильное; и следовало добавить, что это относится не только к железным дорогам, но и к любой отрасли. Но это явление, которое по существу вытекает из закона пропорциональности стоимостей и абсолютной идентичности производства и потребления, не объяснимо обычным представлением о полезной стоимости и обменной стоимости. Средняя цена за перевозку товаров по земле составляет 18 сантимов за одну тонну-километр, от двери до двери. Подсчитано, что по этой цене обычное железнодорожное предприятие получит не более 10% [146] чистой прибыли, результат, примерно равный таковому в перевозках по земле.

Но допустим, что оперативность перевозки по железной дороге соотносится к оперативности перевозки по земле, всё включено, так же, как 4 относится к 1: поскольку в обществе время — это деньги, при равной цене железная дорога будет превосходить перевозки по земле на 400%. Однако это огромное преимущество, весьма реальное для общества, далеко от реализации в такой же пропорции для управляющего железной дорогой, поскольку он, заставляя общество пользоваться преимуществом в 400%, сам получает 10% [147]. Предположим, на самом деле, чтобы сделать вопрос более осмысленным, что железная дорога удерживает свой тариф на уровне 25 сантимов, в то время перевозки по земле останутся на уровне 18; он (управляющий) мгновенно потеряет все свои сбережения. Отправители, получатели, все потеряют [148], если хотите. Локомотив опустеет; социальный эффект в 500% будет принесен в жертву частным потерям в объеме 35%.

Причину этого легко уловить: преимущество, которое вытекает из скорости железной дороги, является полностью социальным, и каждый участвует в нем лишь в минимальной пропорции (давайте не будем забывать, что речь идет в настоящий момент только о перевозке товаров), при этом потери наносят непосредственный и личный ущерб потребителю. Социальный эффект, равный 400%, представляет для человека, если общество состоит только из миллиона человек, четыре десятитысячных; в то время как потеря 33% для потребителя предполагает социальный дефицит в размере тридцати трех миллионов. Частный интерес и коллективный интерес, которые на первый взгляд так отличаются, совершенно идентичны и адекватны: и этот пример уже можно использовать для объяснения того, как в экономической науке все интересы согласованы.

Таким образом, для того, чтобы компания получила прибыль, указанную выше, абсолютно необходимо, чтобы железнодорожный тариф не превышал или очень мало превышал цену перевозок по земле.

Но для того, чтобы это условие было выполнено, иными словами, чтобы железная дорога была коммерчески выгодной, нужно, чтобы транспортируемых товаров было в изобилии, чтобы по крайней мере покрывать проценты используемого капитала и затраты на техническое обслуживание. Таким образом, первое условие существования железной дороги — это объемное обращение, которое предполагает еще более объемное производство, большую массу обменов.

Но производство, обращение, обмены — это не вещи, которыми можно импровизировать; кроме того, различные формы труда развиваются не изолированно и независимо друг от друга: их развитие обязательно связано, сплочено, пропорционально. Антагонизм может существовать между промышленниками: социальное действие, невзирая на это, — объединенное, конвергентное, гармоничное, одним словом, индивидуальное. Итак, наконец, наступил день создания великих рабочих инструментов; тот самый, где общее потребление может поддержать занятость, поскольку все его предложения переводятся, тот, в который обозримая работа может загрузить новые машины. Предвидеть час, отмеченный прогрессом в работе, это значит подражать тому безумцу, который, спускаясь из Лиона в Марсель, заставил отплыть пароход для него одного.

Эти пункты продемонстрировали, что нет ничего проще, чем объяснить, как работа должна оставлять для каждого производителя излишек.

И, во-первых, что касается общества: Прометей [149], выходящий из лона природы, пробуждается к жизни в инерции, полной очарования, но которая вскоре станет страданием и пыткой, если он не поспешит выйти из этого посредством работы. В этой изначальной праздности продукт Прометея равен нулю, а его благополучие идентично благополучию животного и может быть представлено как нуль.

Прометей приступает к делу: и с его первого дня, первого дня второго творения, продукт Прометея, то есть его богатство, его благополучие, равно 10.

На второй день Прометей делит свою работу, и его продукт становится равным 100.

На третий день и каждый последующий день Прометей изобретает машины, обнаруживает новые возможности в телах, новые силы в природе; сфера его существования простирается от области чувственного до сферы морали и разума, и с каждым шагом, который делает его промышленность, цифры производства возрастают и позволяют ему поздравлять себя (с этим ростом). И поскольку, наконец, для него потреблять — значит производить, ясно, что каждый день потребления, переваривающий лишь продукт предыдущего дня, оставляет избыток продукта на следующий день.

Но давайте также отметим, давайте отметим, прежде всего, главное, заключающееся в том, что благосостояние человека является прямым следствием интенсивности труда и разнообразия отраслей промышленности, так что рост богатства и прирост рабочей силы носят относительный и параллельный характер.

Говорить сейчас, что каждый участвует в этих общих условиях коллективного развития, значит утверждать истину, которая в силу доказательств может показаться глупой. Давайте, скорее, укажем на две основные формы потребления в обществе.

У общества, как и у индивида, есть свои объекты персонального потребления, объекты, в которых со временем мало-помалу оно начинает чувствовать необходимость и которые его таинственные инстинкты заставляют создавать. Таким образом, в средние века для большого числа городов наступил решающий момент, когда строительство ратуш и соборов стало насильственной страстью, которую нужно было удовлетворить любой ценой;

существование общества зависело от этого. Безопасность и сила, общественный порядок, централизация, национальность, родина, независимость — вот что составляет жизнь общества, всех его умственных способностей; это чувства, которые должны были найти свое выражение и отличие. Таково было предназначение Иерусалимского храма, истинной драгоценности еврейского народа; таким был храм Юпитера — Капитолий в Риме. Позднее, за городским дворцом и храмом, органами, так сказать, централизации и развития, появились другие общественно полезные объекты — мосты, театры, больницы, дороги и т.д.

Памятники общественной пользы, являющиеся по существу общедоступными и, следовательно, бесплатными, общество заведомо наделяет политическими и моральными преимуществами, которые вытекают из этих выдающихся произведений и которые, предоставляя гарантии для безопасности и идеалы для ума, запечатлевают новый расцвет в промышленности и искусстве.

Но все иначе с объектами внутреннего потребления, которые единственно попадают в категорию обмена: они могут быть произведены только на условиях взаимности, которые допускают их потребление, то есть немедленное возмещение, с прибылью для производителей. Эти условия мы раскрыли в достаточной степени в теории пропорциональности стоимостей, которую в равной степени можно также назвать теорией постепенного сокращения себестоимости.

Я показал теорией и фактом, что *всякая работа должна оставлять излишек*; но этот принцип, столь же бесспорный как арифметическая формула, все еще далек от повсеместной реализации. В то время, как благодаря прогрессу коллективного производства каждый день персональной работы добивается все более объемного выпуска, и, в качестве необходимого следствия, в то время, как работник с той же зарплатой должен становиться богаче с каждым днем, в обществе есть состояния, которые *увеличиваются*, и другие, которые *уменьшаются*; работники с двойной, тройной и стократной зарплатой и другие с дефицитом; наконец, повсюду есть те, которые наслаждаются, и другие, которые страдают, и, благодаря чудовищному разделению промышленных прав, люди, которые потребляют, но не производят. Распределение благосостояния следует за всеми изменениями стоимости и воспроизводит их в нищете и роскоши в пугающих размерах и с пугающей энергией. Но везде также рост богатства, то есть пропорциональность стоимостей, является доминирующим законом; и когда экономисты противопоставляют сетованиям социальной партии постепенное увеличение общественного благосостояния и смягчение состояния наиболее неимущих классов, они провозглашают, не подозревая об этом, истину, которая является осуждением их теорий.

Поскольку я призываю экономистов на минуту задуматься в тишине сердец, вдали от предрассудков, которые их беспокоят, и независимо от того, какой работой они заняты или ожидают, интересов, которые они обслуживают, голосований, на которые они рассчитывают, различий, от которых сотрясается их тщеславие: пусть они скажут, признавали ли они, вплоть до сегодняшнего дня, принцип, что *всякая работа должна оставлять излишек*, со всей цепочкой предварительных условий и последствий, о которых мы сообщили; и не подразумевали ли они под этими словами права жонглировать стоимостями, манипулируя спросом и предложением? не правда ли, что они подтверждают одновременно, с одной стороны, рост богатства и благосостояния и, следовательно,

возможность измерения стоимостей; с другой стороны, произвол коммерческих сделок и неизмеримость стоимостей, то есть все самое противоречивое? Разве не благодаря этому противоречию мы постоянно слышим на лекциях и читаем в работах по политической экономии эту абсурдную гипотезу: *если цена ВСЕХ вещей была удвоена...* Как будто цена всех вещей не была пропорциональной этим вещам, и как будто можно удвоить пропорцию, соотношение, закон! Разве, наконец, не в силу собственнической несправедливой рутины, защищаемой политической экономией, каждый участвующий в торговле, промышленности, искусстве и госслужбе, под предлогом услуг, оказываемых обществу, постоянно стремится преувеличивать свою значимость, домогается вознаграждений, субвенций, больших пенсий, высоких гонораров: как если бы вознаграждение за любую услугу не фиксировалось бы необходимым образом суммой расходов на нее? Почему экономисты не распространяют изо всех сил эту простую и яркую истину: Труд каждого человека может обрести только ту стоимость, которую он содержит (в себе), и эта стоимость пропорциональна услугам всех других работников; если, как им кажется, работа каждого должна оставить излишек?...

Но вот последнее соображение, которое я изложу в нескольких словах.

Ж.-Б. Сэй — единственный из всех экономистов, кто больше всего настаивал на абсолютной неопределимости стоимости, — также и тот, кто приложил максимум усилий, чтобы опровергнуть это предположение. Именно он, если я не ошибаюсь, является автором формулы: *Любой товар заслуживает того, что он стоит*, или, что то же самое, *товары покупаются вместе с товарами*. Этот афоризм, полный эгалитарных последствий, с тех пор оспаривался другими экономистами; мы по очереди рассмотрим то, что его подтверждает, и то, что его отрицает.

Когда я говорю: каждый продукт стоит того, что стоит, это означает, что каждый продукт представляет собой коллективную единицу, которая в новой форме группирует определенное количество других продуктов, потребляемых в различных количествах. Отсюда следует, что продукты человеческой промышленности по отношению друг к другу являются *родами и видами*, и что они образуют ряд от простого к сложному, в соответствии с количеством и соотношением элементов, эквивалентных между собой, которые составляют каждый продукт. На данный момент не имеет значения, что этот ряд, равно как и эквивалентность его элементов, на практике более или менее точно выражен балансом заработной платы и благосостояния: речь идет прежде всего об отношениях внутри вещей, относящихся к экономическому закону. Ибо здесь, как всегда, идея сначала самопроизвольно порождает факт, который затем распознается мыслью, которая его породила, постепенно исправляется и определяется в соответствии с ее принципом. Торговля, свободная и конкурентоспособная, является лишь длительной восстановительной операцией, цель которой состоит в том, чтобы выявить пропорциональность стоимостей, в ожидании, пока гражданское право ее примет и сделает правилом состояния людей. Поэтому я говорю, что принцип Сэя — *Каждый продукт стоит того, что он стоит* указывает на ряд того, что произведено человеком, аналогично рядам животных и растений, в котором элементарные единицы (рабочие дни) считаются равными друг другу. Таким образом, политическая экономия утверждает с самого начала, через противоречие, то, что ни Платон, ни Руссо, ни какой-либо другой древний или современный публицист не считали возможным, — равенство условий и состояний.

Прометей становится по очереди пахарем, виноделом, пекарем, ткачом. Какой бы профессией он ни занимался, поскольку он работает только на себя, он покупает то, что он потребляет (свои продукты), за одну и ту же валюту (свои продукты), чья единица измерения необходимо — его рабочий день. Это правда, что сам труд подвержен изменениям: Прометей не всегда одинаково расположен, и от момента к другому его пыл, его плодотворность то растет, то падает. Но, как и все, что подвержено изменениям, труд имеет свою середину (среднее значение), и это позволяет нам сказать, что в сумме день работы оплачивает день работы, ни больше, ни меньше. Совершенно верно, если сравнивать продукты определенного периода общественной жизни с продуктами другого периода, что стомиллионный день человеческого вида даст несравненно больший результат, чем первый; но также можно сказать, что жизнь коллективного существа может быть дифференцирована не больше, чем жизнь индивидуума; что если дни не одинаковы, они неразрывно связаны, и что во всем существовании боль и удовольствие являются общими для них. Поэтому, если портной, чтобы представить стоимость дня, использует десять раз день ткача, это похоже на то, как если бы ткач отдал десять дней своей жизни за день жизни портного. Именно это и происходит, когда крестьянин платит 12 франков нотариусу за письмо, чье изготовление стоит час; и эта неодинаковость, это неравенство в обменах является самой мощной причиной нищеты, которую разоблачили социалисты и которую экономисты признают очень тихо, ожидая знака от хозяина, который позволил бы им признать ее более громко.

Любая ошибка в коммутативном правосудии — это жертвоприношение работника, переливание крови человека в тело другого человека... Пусть не будет страха: я не собираюсь распространять раздражающую филиппику собственности; я тем менее думаю об этом, что, следуя моим принципам, человечество никогда не ошибается; что, располагаясь прежде всего над правом собственности, оно определило лишь один принцип своей будущей организации; и что преобладание собственности, однажды разрушенное, — то, что предстоит сделать, чтобы вернуть к единству эту знаменитую антитезу. Все, что можно было возразить мне в пользу собственности, я знаю, равно как и то, что никто из моих цензоров, которых я прошу со всем уважением сердечно признать, что диалектика привела их к ошибке. Как могут быть *приемлемыми* богатства, для которых вложенный труд не является показателем? И если труд создает богатство и узаконивает собственность, как объяснить потребление богатого бездельника? Как может быть справедливой система распределения, при которой продукт стоит, по мнению отдельных людей, иногда больше, иногда меньше, чем стоит на самом деле?

Идеи Сэя вели к появлению аграрного закона; поэтому консервативная партия поспешила протестовать против них. «Основной источник богатства, — сказал г-н Росси, — это труд. Провозглашая этот великий принцип, промышленная школа выдвинула на первый план не только экономический принцип, но и тот социальный факт, который в руках опытного историка становится самым надежным руководством для исследования человеческого вида в его движении и его установлениях на земном шаре».

Почему, зафиксировав эти глубокие слова в своем курсе, г-н Росси решил, что он должен отозвать их позже в обзоре и бессмысленно поставить под угрозу свое достоинство как философа и экономиста?

«Скажите, что богатство — это только результат труда; провозгласите, что во всех случаях труд является мерой стоимости, регулятором цен; и чтобы каким-то образом избежать возражений, вызываемых со всех сторон этими доктринами, некоторые из которых являются неполными, а другие абсолютными, вы будете невольно обобщать понятие труда и заменять анализ совершенно ошибочным синтезом».

Я сожалею, что такой человек, как Росси, высказывает мне такую печальную мысль; но, читая отрывок, который я только что привел, я не мог не сказать: наука и истина более не существуют; то, что мы любим сейчас, — это лавочка (магазин), а после лавочки — отчаянный конституционализм, который ее представляет. К кому обращается г-н Росси? Он жаждет труда или чего-то еще? анализа или синтеза? Жаждет ли он всех этих вещей одновременно? Пусть он выбирает, потому что его собственное заключение действует против него.

Если труд является источником всего богатства, если он является самым надежным руководством для изучения истории человеческих установлений на земном шаре, почему равенство распределения, равенство в зависимости от меры труда не становится законом?

Если, наоборот, есть богатства, которые происходят не от труда, откуда берется привилегия владения этими богатствами? Какова законность монополии? Поэтому давайте однажды разоблачим эту теорию непродуктивного права потребления, эту юриспруденцию наслаждения, эту религию праздности, священную прерогативу касты избранных!

Что означает этот призыв к *анализу* ошибочных суждений о *синтезе*? эти метафизические термины хороши только для внушения простакам, которые не подозревают, что одно и то же суждение можно сделать равнодушным и произвольным, аналитическим или синтетическим. — *Труд — это принцип стоимости и источник богатства*: аналитическое суждение, как того хочет г-н Росси, так как это суждение представляет собой краткое изложение анализа, в котором мы демонстрируем, что существует идентичность между примитивным понятием труда и последующими понятиями продукта, стоимости, капитала, богатства и т. д. Однако мы видим, что г-н Росси отвергает доктрину, вытекающую из этого анализа. — *Труд, капитал и земля являются источниками богатства*. Синтетическое суждение, такое, какого не желает г-н Росси; на самом деле, богатство здесь рассматривается как общее понятие, которое встречается в трех различных, но не идентичных видах. И все же доктрина, сформулированная таким образом, является такой, какую предпочитает г-н Росси. Понравится ли теперь г-ну Росси, что мы возвращаем его теорию аналитической монополии и нашу теорию синтетического труда? Я могу предоставить ему это удовлетворение... Но я бы покраснел, если бы продолжил подшучивать над таким серьезным человеком. Г-н Росси лучше всех знает, что анализ и синтез сами по себе абсолютно ничего не доказывают, и что, как сказал Бэкон, важно проводить точные сравнения и полные подсчеты.

Поскольку г-н Росси находился под воздействием абстракций, то что только он не наговорил этой фаланге экономистов, которые с таким уважением собирают малейшие слова, выпадающие из его уст:

«Капитал — это *материя* богатства, как деньги — материя валюты, как пшеница — материал

хлеба», и, продолжая серию до конца, как земля, вода, огонь, атмосфера — материал всех наших изделий. Но это труд, только труд, — то, что последовательно создает каждое полезное качество, данное этим *материям*, и, следовательно, превращает их в капиталы и богатства. Капитал — это труд, то есть реализованные разум и жизнь: как животные и растения являются реализациями вселенской души; как шедевры Гомера, Рафаэля и Россини являются выражениями их идей и чувств. Стоимость — это пропорция, в соответствии с которой все реализации человеческой души должны колебаться, чтобы создать гармоничное целое, которое, будучи богатством, порождает благосостояние для нас или, скорее, является знаком, а не объектом нашей благодати.

Утверждение, что *меры стоимости не существует*, является нелогичным и противоречивым; это вытекает из самых мотивов, исходя из которых была предпринята попытка это утверждение установить.

Утверждение, что труд — это *принцип пропорциональности стоимостей*, не только верно, потому что оно является результатом неопровержимого анализа, но и является целью прогресса, условием и формой общественного благополучия, началом и концом политической экономии. Из этого утверждения и его следствий, заключающихся в том, что *каждый продукт равен тому, что он стоит, а продукты покупаются продуктами*, происходит доктрина равных условий.

Идея социально значимой стоимости, или пропорциональности продуктов, служит для объяснения следующего:

- а) как механическое изобретение, несмотря на временно создаваемую привилегию и вызываемые ею пертурбации, всегда приводит к общему усовершенствованию;
- б) почему открытие экономического процесса никогда не сможет принести его автору прибыли, равной той, которую он предоставляет обществу;
- с) как, посредством ряда колебаний между спросом и предложением, стоимость каждого продукта постоянно стремится соответствовать уровню себестоимости и запросам потребления, и, следовательно, зафиксироваться позитивно;
- д) как при коллективном производстве, непрерывно увеличивающем массу потребляемых вещей, и, следовательно, рабочий день, все лучше и лучше оплачиваемый, труд должен оставлять каждому производителю излишек;
- е) как тяжелый труд, далекий от того, чтобы его уменьшал промышленный прогресс, постоянно увеличивается в количестве и качестве, то есть в интенсивности и сложности для всех отраслей;
- ф) как социальная стоимость непрерывно уничтожает фиктивные стоимости, другими словами, как промышленность управляет обобществлением капитала и собственности;
- г) наконец, как распределение продуктов, постепенно упорядочивая взаимную гарантию, производимую структурой стоимостей, подталкивает общество к равенству условий и состояний.

Наконец, теория последовательного структурирования всех коммерческих стоимостей, подразумевающих бесконечный прогресс в работе, богатстве и благосостоянии, социальной судьбе, с экономической точки зрения, открывается нам: *Непрерывно производить с наименьшими трудовозатратами, максимально возможным количеством и наибольшим разнообразием стоимостей*, чтобы обеспечить достижение для каждого наибольшей суммы

физического, духовного и интеллектуального благополучия, а для всего человеческого вида — высочайшего совершенства и бесконечного величия.

Теперь, когда мы не без труда определили смысл вопроса, предложенного Академией гуманитарных наук, относительно колебаний прибыли и заработной платы, настало время заняться основной частью нашей задачи. Повсюду, где труд не был обобществлен, то есть там, где стоимость не была определена синтетически, в торговле происходят сбои и несостыковки, войны уловок и засад, препятствия к производству, обращению и потреблению, непроизводительный труд, отсутствие гарантий, ограбления, мошенничество, бедность и роскошество, но одновременно — усилия общественного гения, направленные на достижение справедливости и постоянная тенденция к объединению и порядку. Политическая экономия — не что иное, как история этой великой борьбы. С одной стороны, на самом деле политическая экономия, поскольку она стремится и претендует на то, чтобы увековечить аномалии стоимости и прерогативы эгоизма, действительно является теорией несчастья и организации нищеты; но поскольку она представляет средства, изобретенные цивилизацией для преодоления пауперизма, хотя эти средства постоянно превращались в исключительное преимущество монополии, политическая экономия является преамбулой для организации богатства.

Поэтому важно возобновить изучение экономических фактов и процедур, прояснить их дух и сформировать философию. Без этого не получить никакой информации о прогрессе общества, не предпринять реформы. Ошибка социализма до сих пор заключалась в том, чтобы увековечивать религиозные мечтания, отправляясь в фантастическое будущее, вместо того, чтобы постигать реальность, которая его сокрушает; так же, как вина экономистов состоит в том, что в каждом свершившемся факте они видят запрет на любую гипотезу изменений.

Для меня это не то, как я представляю себе экономическую науку, настоящую социальную науку. Вместо того, чтобы заведомо отвечать на серьезные проблемы организации труда и распределения богатств, я поставлю под сомнение политическую экономию как хранилище тайных мыслей человечества, я заставлю факты говорить согласно порядку их поступления, и представлю их свидетельства, не противопоставляя им свои. Это будет одновременно и триумфальная, и печальная история, героями которой станут идеи, эпизоды теорий и даты решений.